

И. Е. Кознова <https://orcid.org/0000-0003-4601-7118>**«Сражающаяся Мнемозина»: тема памяти в военной прозе А. Платонова**

Для цитирования: Кознова И. Е. «Сражающаяся Мнемозина»: тема памяти в военной прозе А. Платонова // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 5 (116). С. 208-216. DOI 10.20323/1813-145X-2020-5-116-208-216

Память относится к числу ключевых концептов в художественном творчестве А. Платонова. Мнемоническую функцию литературы писатель реализует также в своих военных рассказах. Анализируются репрезентации механизмов памяти в платоновской военной прозе в контексте «мемориального поворота» современного гуманитарного знания. Рассматривается возможность применения к ней разработанных в «мемориальных исследованиях» подходов в отношении различных форм и типов памяти, динамики взаимодействия запоминания и забвения, индивидуальной и коллективной, коммуникативной и культурной памяти, способов коммеморации. В военной прозе Платонова память предстает как насыщенный по смыслу и многозначный культурно-психологический феномен, выражающий антропологию войны. Разнообразен диапазон проявлений памяти в виде частного и социального опыта, культурно-исторических традиций. Военную прозу писателя можно рассматривать в качестве метафоры битвы, сопряженной с героикой и трагедией. В ней внутри отдельного человека и в обществе сталкиваются разные пласты памяти, воспоминание и забывание. С памятью тесно связан такой концепт платоновского творчества, как «утешение». В рассказах также показаны испытания человека памятью. Для выражения мнемонического писателем использовались концепты «тоски», «горя» и «страдания». Рассуждения Платонова строились в двух направлениях – с точки зрения ограниченности возможностей памяти индивидуума и в аспекте преодолевающей ее «вечной памяти». Мнемотопика рассказов предлагает пути спасения памятью в форме коммуникации нынешних и прежних поколений, живых и мертвых. Значимо восприятие писателем мемориального как важного фактора гражданственности.

Ключевые слова: А. Платонов, литература, антропология, Великая Отечественная война, рассказы, культура, антропология, наследие, память, забвение.

I. E. Koznova

«The combating Mnemosyne»: the theme of memory in Andrey Platonov's military prose

Memory is one of the key concepts in A. Platonov's creativity. The writer also implements the mnemonic function of literature in his military stories. The article analyzes representations of memory mechanisms in Platonic military prose in the context of the «memorial turn» of modern humanitarian knowledge. The article considers the possibility of applying to it the approaches developed in the «memorial studies» in relation to various forms and types of memory, the dynamics of the interaction of remembering and oblivion, individual and collective, communicative and cultural memory, ways of memorization. Memory appears as a meaningful and multi-valued cultural and psychological phenomenon expressing the anthropology of war. The range of manifestations of memory in the form of private and social experience, cultural and historical traditions is diverse. The writer's military prose can be seen as a metaphor for a battle, coupled with heroism and tragedy. Within the individual and in society, different layers of memory, memory and forgetting collide. The concept «consolation» is closely connected with memory. The stories also show the trials of memory. To express the mnemonic, the writer used the concepts «anguish», «grief» and «suffering». Platonov's arguments were built in two directions – from the point of view of the limited possibilities of the individual's memory and in the aspect of the «eternal memory» that overcomes it. Mnemotopics of stories offers ways for salvation by memory in the form of communication between present and former generations, the living and the dead. The writer's perception of the memorial as an important factor of citizenship is significant.

Keywords: A. Platonov, literature, Great Patriotic War, stories, culture, anthropology, heritage, memory, oblivion.

Введение

Последние десятилетия в России и мире отмечены возрастанием индивидуального и общественного интереса к мемориальным аспектам

культуры, связанного с «ускорением истории» и неопределенностью будущего, очередной сменой поколений и разрывом многих традиций, потребностью переосмыслить прошлое и особенно со-

бытий катастрофического XX в. В новом измерении предстает литература – форма эмоционально насыщенной культурной памяти. К числу событий, соединяющих в себе минувшее и нынешнее, относится Великая Отечественная война, по-прежнему «болевая точка» российской истории и памяти.

Придающие особый масштаб бытийным вопросам войны порождают свою собственную художественную антропологию, в центре которой вопросы человеческой сущности и ее «подлинности» в «пограничных ситуациях», возможности, по К. Ясперсу, «экзистенциальной коммуникации» [Неретина, 2019, с. 175-180]. К числу писателей, в центре творчества которых уже в пору самой Великой Отечественной оказалось переплетение трагического военного опыта и мироощущения человека, относится и Андрей Платонов, чья позиция военного корреспондента «быть внутри войны» позволила посредством поэтики памяти реализовать творческую установку: «...обнадежить все души людей и дать им [жизненную] силу правильного понимания жизни» [Платонов, 2000, с. 218, 275] среди все поглощавшей смерти.

Литературный обзор

Мир военной прозы Платонова рассматривается исследователями в контексте всего его творчества и базового понятия – «вещества существования». При всем внимании писателя к теме «народ на войне» приоритетным для него являлось изображение переживаний неповторимой личности в экстремальных условиях пограничья жизни и смерти; ведущим для Платонова был трагический подтекст героической темы [Михайлюченко, 2011; Спиридонова, 2018; Спиридонова, 2012; Спиридонова, 2019; Спиридонова, 2010; Фатющенко, 2005]. Выявляются различные образные параллели, символические знаки и метафорические образы военной прозы, ее мотивная структура; подробно анализируется присущий военным произведениям христианский код, воплощенный, в частности, в теме взыскания погибших [Спиридонова, 2018; Спиридонова, 2012]. В творчестве Платонова видится реставрация национальной и исторической памяти, преломленной в культурном наследии [Алейников, 2015; Алейников, 2018]. Конкретизация мемориальной проблематики проводится в контексте мотива «вечной памяти», на котором исследователи, признавая его ведущим, более всего останавливают внимание, подчеркивая, что сам писатель определил жанр своих военных произведений как реквием [Спиридонова,

2018]. Значимость и первостепенность данного мотива, сфокусированного на сохранении «непрерывного основания жизни», несомненна. Однако осмысление траектории движения к нему, изучение многообразных проявлений мнемонического, механизмов памяти в платоновской военной прозе заслуживает более пристального внимания, что и является задачей настоящей статьи.

Методы

Для понимания своеобразия платоновской мнеморативной оптики продуктивны подходы, разрабатываемые в современных мемориальных исследованиях (memory studies), причем их развитие не в последнюю очередь связано с изучением культурной истории войн и памяти о них, прежде всего – Второй мировой. Имея в виду высокую степень дискуссионности проблемного поля этих исследований [Леонтьева, 2019; Николаи, 2018], сосредоточим внимание на направлениях поиска в контексте задач настоящей статьи. Память понимается как всеобщая антропологическая универсалия, учреждающая индивидуальную и коллективную идентичность, весьма подвижная в специфических культурных, политических и социальных рамках конструкция, символический способ передачи и актуализации смыслов в самых разных формах. Памятование и забвение выделяются в качестве ведущих культурных стратегий; в их амбивалентности, сложном переплетении и скрещивании заложена динамика мемориального; разработана типология форм забвения [Ассман, 2018; Ассман, 2019; Connerton, 2008]. Представлена типологии памяти, обсуждаются пути переходов внутри разных типов. Так, А. Мегилл использует три основных значения: опыт (персональный опыт отдельных индивидов или их групп, приобретенный совместно), традиция (передача того, что имеет коллективный вес и надындивидуальное существование), коммеморация (специальные практики, направленные на удержание опыта либо укрепление традиции) [Мегилл, 2007]. По отношению включенности индивидуумов в различные горизонты памяти (семья, поколение, общество, культура) и в зависимости от ее стабильности А. Ассман и Я. Ассман выделяют три уровня памяти – индивидуальную/коммуникативную (кратковременная; задается сменой поколений, связанных общностью мировосприятия, жизненного опыта, воспоминаний), коллективную (долговременная, политическая, социальная, транспоколенческая) и культурную (основана на всем комплексе наследия символических форм, прин-

ципиально открыта для множества интерпретаций).

Каждый из уровней представляет более высокую степень интеграции и все больший радиус охвата в пространстве и времени [Асман, 2018; Асман, 2019]. Что касается собственно литературы, речь ведется о трех основных подходах при изучении мнемонических аспектов художественного творчества: память символической системы «литература» (интертекстуальность, жанр, канон); репрезентация памяти в литературе; литература как средство передачи культурной памяти [Переходцева, 2012; Lachmann]. Каждый из них имеет отношение к военному творчеству А. Платонова. В мемориальных исследованиях сформулированы обращенные к памяти ключевые вопросы: «Кто помнит? О ком/чем следует помнить? Чего нельзя забыть? Что следует помнить? Как следует помнить?» [Асман, 2018, с. 64-65; Winter, p. 203]. Ими задавался и А. Платонов в своем художественном воплощении трагического опыта войны.

Сердечная память

Память понималась А. Платоновым как неотъемлемое свойство человеческого сердца, своего рода «охранная грамота», и ей во многом тождественна любовь. Старшина Силин убежден: «Кто ни отца, ни матери не помнит, тот и солдатом редко бывает хорошим» («Полотняная рубаха»). Солдат тоже витально питается любовью матери. Размышляя о причинах гибели, один из персонажей допускает: «Возможно, мать любит его меньше или забыла о нем». И так же – зеркально – звучат признания самой Матери, ощущающей свою вину в том, что не смогла спасти детей от смерти («Взыскание погибших»). Символический образ девушки Розы, в сдавленном страхе сердце которой не остается места для памяти, что равносильно потере себя и смерти. Платонов понимал войну как битву «живых сердец» со смертью, как реализацию в экстремальных условиях «сокровенной» сути человека [Михайлюченко, 2011; Спиридонова, 2018]. И именно поэтому для одоления зла необходимо не «пустое», но «обнаженное», «наполненное» сердце, в том числе и памятливые, связывающее в единый круг всех живых и мертвых.

Для А. Платонова было принципиально значимо индивидуальное начало памяти, поэтому память о войне он связывал с каждым бойцом, способным вместить «столь много чувства и памяти в одно солдатское сердце». В образе красноармейца из рассказа «Счастливый корнеплод» воплощена память, сформированная традицией, но осознан-

ная как личная обязанность отстоять остатки разрушенного врагом родного очага и обгоревшего в битве местного леса перед тыловиком, мешанином от войны, новой личине заведующего губутилем из романа «Чевенгур», готовым для устройства парка увеселений предать забвению не только трагедию войны, но и любые свидетельства не затронутой «цивилизацией» деревенской «убогости».

Когда С. А. Никольский пишет, что, за редким исключением, все платоновские герои лишены собственности на самих себя, и всех ведет по жизни внешняя им, повелевающая чужая воля, на наш взгляд, герои военных рассказов представляют исключение, и нередкое. Правда, чужой воли на войне предостаточно и в этом случае, действительно, когда герои временно обретают «собственность» на самих себя, эта чужая воля убивает их [Никольский, 2018, с. 125]. И все же в военных рассказах прочитывается процесс сохранения или обретения себя через памятование. С. Нонака видит в платоновских военных рассказах новую функцию некоторых мотивов, которую он определяет как «гармонизацию» [Нонака, 2019, с. 93]. Для донского казака Силина («Офицер и солдат») сбережение покоя души погибшего на «германской» войне друга – санкционированный традицией (народной коллективной памятью) долг. Кирей («Сампо»), вопреки «усохшему» в боях сердцу, определяет для себя моральный императив «отработать вину для живых», и здесь еще сильнее выражена доминанта будущего. В рассказе «Размышления офицера» мнемоническое значительно усилено. Он основан на дневниковых записях погибшего офицера, подполковника Ф., который, опасаясь забвения в случае смерти, рассчитывал на востребованность своих размышлений о судьбах людей и страны. В дневнике тесно переплетены опыт личный и исторический; особое значение придается семейной памяти как основе национальной культуры. В нем нашлось место для описания душевной боли человека воюющего, когда на фронте «страшно и мучительно», а страдания от разлуки с любимой женой истощают все жизненные силы. Дневниковые записи в рассказе воспроизводятся в изложении повествователя-автора, по памяти, выборочно, но в самом существенном для него.

Спасение памятью

Память на войне многопланова, выражена материально, воплощена духовно. Она проявляется в воспоминаниях о доме, близких и любимых, вбирает в себя различные предметы, напоминающие

о них и выполняющие роль «нетленного оружия» (О. Ю. Алейников), как например, полотняная рубаха матери или лист со священного («божьего») дерева малой родины; наполняет энергией в моменты смертельной опасности. В новом военном опыте, который подпитывается и историческим, главным образом опытом прежних войн, особенно Первой мировой, которую Платонов трактует во все не с «классовых» позиций. Она стала для писателя, как в рассказе «Офицер и солдат» (в авторской редакции «Сокровище отцов»), основой для размышлений о механизмах трансляции памяти о погибших за пределами живой, непосредственной памяти, а также по поводу «сердечного отцовского наследства» – «заряда» стойкости в противостоянии «напрасной смерти». И в целом заложенное предками многовековое духовное и культурное наследие – все вместе это источники народной «богатырской» силы, воодушевляющие бойца памятью «народа-семьи» [Алейников, 2015; Алейников, 2018]. Важным символом памятования предстает родная земля.

К. Хольт, проанализировавшая в контексте рассказов сборника «Сталинское племя» (1944) рассказ Платонова «Одухотворенные люди», опубликованный там же, подчеркивает уникальность художественного голоса писателя в изображении героического. Когда в «соцреалистических» рассказах сборника сознательно культивировался подвиг, Платонов показал стихийное, инстинктивное проявление героизма, основанное не на литературных, а на жизненных образцах – семейной и братской фронтовой любви. Кроме того, по мнению Хольт, «Одухотворенные люди» были написаны не столько для того, чтобы вдохновлять, а больше для увековечивания памяти: почтить тех, кто уже пожертвовал собой, и вернуть их к жизни для всех тех, кто знал и любил их [Holt, 2013]. Действительно, именно в сохранении памяти Платонов видел возможность утешения для людей. Платонов рассматривал разные формы спасения памятью, возвращаясь к традиционному в его творчестве мотиву «раскопанной могилы» [Нонака, 2019, с. 89-90], как в «Одухотворенных людях», где явна отсылка к роману «Чевенгур», и в обоих случаях – к идеям Н. Федорова.

В рассказе «Пустодушие» происходит двойное усиление мотива памятования, и связано оно с мальчиком: сначала он пеняет матери, что она сменяла вещи погибшего в оккупации отца на картошку, а затем мальчик предлагает матери откопать отца, чтобы тот лежал дома, потому что и «дом тоже теперь в земле». Потребность памято-

вания воспринимается в контексте двойного усиления мотива смерти. Вряд ли городской ребенок мыслит землю рождающей, поскольку им руководит идея возмездия/забвения: ему нужно получить живого отца в обмен на немца, а тот «пусть сам умрет в землю». В «Записных книжках» А. Платонов подчеркивал памятьливость мальчика или, скорее, унаследованную им от предков традицию, отмечая, что «для него непонятно было забвение, и его сердцу несвойственна вечная разлука» [Платонов, 2000, с. 282]. В опубликованном варианте рассказа сохранена фраза о наследии предков, добавлена «он размышлял, что убивать людей может лишь тот, кто умеет их рожать или возвращать обратно к жизни», а фраза о забвении опущена. Схожим образом идея возмездия выражена Платоновым в изъятый цензором молитве старика из рассказа «Никодим Максимов»: «Неприятеля нашего обрати в прах и пусть земля его примет навеки без памяти и не извергнет более и пускай им черви насытятся и черви помрут» [Цит. по: спиридонова, 2012, с. 344]. Возмездие справедливо, когда речь идет о нацистских «фабриках смерти», где пепел служил удобрением: «Тот, кто умерщвляет, сам вынужден питаться остатками умерщвленных» («На могилах русских солдат»). Что до мальчика, то, возможно, в нем еще нет догадки о земле, олицетворяющей преодоление смерти и забвения и утверждение жизни. Не случайно в ряде военных рассказов присутствует идея порождающего жизнь праха (особенно ярко в «деревенском» «Цветок на земле»). В созвучном «Пустодушию» рассказе «Неодушевленный враг», «немецкий запах» еще не убитого врага «растворился в общем густом дыхании живущей земли». Это, по версии Э. Наймана, означает «победу» Достоевского (поскольку речь идет об интертекстуальной отсылке к его повести «Двойник» в платоновском рассказе) над Федоровым: невозможность воскрешения [Найман, 2019, с. 154-155]. И действительно, в этом высшая степень возмездия для врага, в то время как для русских, например, в рассказе «Оборона Семидворья» библейское значение воскресения дополнено светским вариантом памяти потомков.

Забвение на войне

Хотя принципу памятования отведено ведущее место в пространстве военной прозы А. Платонова, писателя привлекали разные проявления на войне неотъемлемого свойства памяти – забывания/забвения, а также взаимопереходы между ними. Чтобы иметь физические и душевные силы сражаться, то есть жить и помнить,

нужно уметь что-то забывать. Поэтому «бой ведь скоро забывается»; офицеры приказывают рядовым забыть о них, раненых во время боя, если того требует обстановка; среди фронтовых обязанностей могут забываться любимые и близкие. Жалея своих бойцов, лейтенант Агеев дает им передышку перед сражением, чтобы они «опамятовались», и в то же время утешает раненого со словами «забудься пока и усни» («Оборона Семидворья»). Повествователь упоминает о кротости выражения лиц отдохнувших бойцов: «не помня себя во сне, они пережили в нем темное счастье покоя». Возможно, это виртуальное возвращение в материнскую утробу. Характерно напутствие политука Фильченко отдыхающим бойцам: «Мать во сне увидишь» («Одухотворенные люди»). Упомянуто в военных рассказах и забвение другого рода – молчание [Асман, 2019, с. 31; Merridale, 2019, р. 417], связанное, как в рассказе «Броня», с массовыми репрессиями. Отмеченная страхом «жуткая память» [Эткинд, 2016, с. 30-31] находит исход в рассказе как метафора возвращения – не только живых (герой рассказа Саввин), но и мертвых, поскольку за исковерканной судьбой одного человека скрываются судьбы многих других, уничтоженных государственной машиной подавления инакомыслия, включая сына писателя – Платона.

Волновавшие А. Платонова состояния духовного преодоления смерти представлены как метафорическая мнемическая битва. Рассказ «В сторону заката солнца» (опубликованный в 1943 г.) показывает ее напрямую. Близость смерти, вызывая поначалу горе и отчаяние у крестьянина-бойца Ивана Толокно оттого, что враг хочет исчезновения памяти о нем в вечном забвении, словно он не жил на свете, сменяется на противостояние гибели, на утверждение жизни и памятования как порядка. В рассказе «Неодушевленный враг», написанном в том же 1943 г., но опубликованном только в 1965 г., повествование ведется от первого лица, и сама ситуация обретает облик «экзистенциальной коммуникации» (К. Ясперс). С позиции повествователя, анализирующего происходящее изнутри, смерть как высшее мгновение жизни «обычно не запоминается», «хотя этот миг является чистой, одухотворенной радостью». Все проявления мнемического здесь смешиваются, одно моментально сжимается и не столько уступает место другому, сколько принимает иной облик того же. Не случайно исследователи видят в рассказе проявление присущего платоновскому художественному видению «двойничества» и «подполья» [Найман, 2019, с. 152-156; Яблоков, 2019,

с. 167-168]. Повествователь сообщает также: «С беспамятством ненависти, возродившей мощь моего сердца, сжал тело немца». Дремавшая внутри русского ненависть в определенный момент «выстрелила», причем парадоксальным образом – в самое средоточие памяти, в сердце.

В рассказе «Афродита» в образе «пахоты войны» заключена амбивалентность забвения/памятования, поскольку земля одновременно представляет собой средоточие того и другого: «...посеялось в землю то, что никогда не должно вновь произрасти на ней, – трупы злодеев, и то, что было рождено для доброй деятельной жизни, но обречено лишь вечной памяти, – плоть наших солдат, посмертно стерегущих в земле павшего неприятеля».

Испытание памятью

Обращая внимание на новые методы постижения частного, нередко шокирующего, «непобедного» опыта в неофициальной литературе военных лет, И. Кукулин (он включает в этот круг и А. Платонова) выделяет два его типа: опыт, дискомфортный эмоционально (страх, боль, ненависть, нравственные конфликты), и опыт, дискомфортный экзистенциально (проблемы идентичности, ощущение крушения и последующего трудного обретения смысла жизни, саднящая невосполнимость потерь) [Кукулин, 2005, с. 623, 637]. У Платонова тема человеческого страдания сопряжена с темой памятования. Бойцам горестно от разлуки с близкими и любимыми; их волнует, помнят ли воюющего отца оставленные в тылу дети. Но война не только связывает людей памятованием, но и разъединяет, испытывает. Воспоминания о фронтовых путях и встречах одолевают во сне Гвоздарева («Житейское дело»), сопротивляясь мирной жизни, но его возвращение с обретением и себя, и сына, и новой семьи состоялось. И в рассказе «Афродита» память обретает, по выражению К. К. Султанова, силу жизнестроительную, а не только мемориальную, когда у героя рассказа Фомина, вопреки тому, что он видит перед собой превращенный в прах родной город и пустой, разрушенный мир своего былого, возникает мотивация изживания негативного опыта [Султанов, 2017, с. 94-95], а «память» принимает характер конструктивного забвения [Асман, 2019, с. 32]. Личные переживания вплелись в советское коллективное восприятие войны: обретенная в ней радость уничтожения зла, гордость солдата помогли Фомину справиться с утратой. Впрочем, перед ним еще простирается время войны. Хотя подобное выведение травмы скорее со-

ответствовало социально-нормативному описанию советской культуры, рассказ был опубликован только в 1962 г. Другое дело, когда идентичность проблематизировалась иначе, как в рассказе «Возвращение», опубликованном в 1946 г., но вскоре подвергнутому разгромной критике.

Разные пласты воспоминаний-ощущений (устоявшийся родной запах дома, забытое и значимое тепло жены; запах волос случайной попутчицы Маши) вступают в «Возвращении» в метафорическое сражение, предстают как продолжение только что завершившейся войны, порождают противоречивые чувства у вернувшегося с фронта и оказавшегося на развилке жизни офицера. Именно «на выходе» из победной войны для Платонова важен разговор о «прочтении» ее как события, травмирующего человеческую психику.

Вечная память

А. Платонова волновал вопрос сохранения всей трагической многомерности Отечественной войны в коллективной/культурной памяти советского общества, которую он связывал с понятием «вечная память». Для понимания ее символики значим такой мотив рассказов, как целования на войне, вбирающие в себя клятву, благословение, выводящие у Платонова в память культуры, в вечность. Воплощению вечной скорби в облике безмолвной печальной бледной луны служит природа, включенная у писателя вместе с историей в человеческое. И все же как индивидуальная, ограниченная временем жизни одного человека память перейдет в коллективную? Именно это беспокоит Мать («Взыскание погибших»): «...если она умрет, то где сохранится память о ее детях и кто их сбережет в своей любви, когда ее сердце тоже перестанет дышать?». Подобные вопросы волнуют и других персонажей рассказов. Платонову представлялось обычным, что человеческому сердцу свойственны не только совесть, долг и памятование, но также и забвение (А. Ассман полагает забвение нормой культуры [Ассман, 2019, с. 21]). Поэтому задача искусства и литературы как одной из мнемонических конструкций мира [Lachmann, 2020] и заключалась для него в создании незабвенного из того, что преходяще, забвенно. По мнению писателя, то, что незабвенно, останется навечно и так, а помнить надо то, что забывается, причем в разрезе «частной конкретности», то есть судьбы отдельного человека. Тем самым сбережением частного, каждого сберегается общее – «все во множестве» [Платонов, 2020, с. 279-280]. В этом для Платонова заключалась историческая справедливость. Но писатель не только не снимал ответ-

ственности с каждого за сохранение подобной памяти (в первую очередь – с себя), но полагал, что одно без другого действовать/существовать не может. Подобная сцепленность, связанность всех и служит механизмом перехода живой, ограниченной памяти в память культурную, безграничную. Платонов давал надежду своим рассказом: красноармеец, по сути, принял эстафету памятования от Матери.

Субъектами вечной памяти А. Платонову представлялись и следующие поколения. Вероятно, и то, нынешнее, объединенное понятием «постпамяти», связанным с естественным исчерпанием ресурсов живой коммуникации по поводу трагического опыта прошлого. Как и основанная на воображении и эмоциях память в целом, «постпамять» [Hirsch] в переосмыслении минувшего закладывает основы будущей культурной памяти. А. Эткинд полагает, что концепцию «постпамяти» легче понять в терминах горя, поскольку, в отличие от травмы, при которой внимание концентрируется на собственных переживаниях, горе представляет собой ответ на состояние Другого и тем самым эмпатично. Горе миметично, оно передается из поколения в поколение культурой, а русская литература представила великие образцы горя, стыда и покаяния [Эткинд, 2016, с. 26-28].

А. Платонову было важно переведение памяти о погибших из ранга «неизвестного солдата» в ранг восстановления имен и биографий каждого. Характерен в этом отношении рассказ «Оборона Семидворья». Для лейтенанта Агеева, поистине «Доброго пастыря» своим бойцам, смерть отсутствует в духовном смысле – именно как следствие сохранения имен погибших и их уникальных качеств в памяти следующих поколений. Показателен диалог между Агеевым и бойцом Афониним, который в рассказе неоднократно аттестуется как сознательный, то есть размышляющий. Однако в ответ на утверждение Агеева о том, что имеющий сердце народ сохранит и память о них (при условии, что они наперед сберегут его от врага), Афонин обиделся: «Что же мне одна память?». Но Агеев криком осадил бойца и осудил его меркантильность: «Ты думай!.. Или человечество глупее тебя? – его память есть дело».

У А. Платонова звучала мысль о строительстве наряду с храмом вечной славы воинам пантеона вечной памяти всем погибшим от рук нацистов мученикам с начертанием их имен. Писатель, пожалуй, опасался «праздничного» воплощения памяти. Не случайна его запись: «Затанцуют, затопчут память о войне» [Платонов,

2000, с. 275]. А. Платонова чрезвычайно волновало, что наследуется следующими поколениями, что понесет в себе история войны. Если актуализированная войной культурная память народа опиралась на героическое начало, то в память будущего писатель включал не только героическую жертвенность. Для него память была призвана служить пониманию мучений человеческого существования в этом мире, чтобы унаследовать их в добро. Он писал также о практической пользе вечной памяти, возводимой им в ранг получения о великом событии минувшего и предостережения, способного «уберечь людей от соскальзывания в подлость» [Платонов, 2000, с. 279-280]. Волновавшая Платонова этическая сторона мемориального созвучна современному обостренно воспринимаемому гражданскому выражению коммеморативного.

Заключение

Память определяется некоторыми исследователями как «кочующий» концепт. Действительно, она «путешествует» сквозь разные научные дисциплины и исторические эпохи, меняется, движется от памятования к забвению и обратно. И как нельзя лучше подходит к творчеству А. Платонова с его ярко выраженной идеей «странствования». В то время, когда французский философ М. Хальбвакс, автор концепции «социальных рамок памяти», проходил свой крестный путь в оккупации и Бухенвальде, русский писатель А. Платонов двигался своим по дорогам войны. Обращение к теме памяти давало ему ключ к пониманию жизни и смерти, добра и зла, эмоционального состояния и экзистенциальной сущности *homobelli*. Сформулированный в рассказе «Неодушевленный враг» вопрос «какой ты сам по себе?» можно интерпретировать с точки зрения того, что и как ты помнишь или забываешь. В военной платоновской прозе память представлена во всех ее проявлениях и формах: как индивидуальное начало и коллективное воплощение, как опыт и традиция, в аспекте воспоминания и забвения. Платонов писал и о разобщении войной мнемонического. Понимая уязвимость индивидуальной живой памяти и ее естественную невозможность устоять перед будущей силой забвения, Платонов искал пути, способные донести до будущих поколений истину пережитого народом, и в самой литературе видел воплощение противостояния «вечной памяти» «забытому праху». Свидетельствуя своим художественным словом о трагедии войны, писатель воспринимал памятование как долг, как

личную обязанность, которой он наделял и своих героев.

Библиографический список

1. Алейников О. Ю. Прошлое и будущее русского народа в рассказах А. Платонова о Великой Отечественной войне // Вестник РУДН. Серия Литературоведение. Журналистика. 2015. № 3. С. 54-61.
2. Алейников О. Ю. Военная проза Андрея Платонова (из наблюдений над рецептивными интенциями) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2018. № 2. С. 5-9.
3. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. Москва: Новое литературное обозрение, 2018. 328 с.
4. Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. Москва: Новое литературное обозрение, 2019. 268 с.
5. Кукулин И. Регулирование боли (предварительные заметки о трансформации травматического опыта Великой Отечественной / Второй мировой войны в русской литературе 1940-1970-х гг.) // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / под ред. М. Габовича. Москва: Новое литературное обозрение, 2005. С. 617-658.
6. Леонтьева О. Б. «Мемориальный поворот» и «история памяти» в России / О. Б. Леонтьева, Л. П. Репина // Историки в поисках новых перспектив: коллективная монография / под общей редакцией З. А. Чеканцевой. Москва: Аквилон, 2019. С. 274-317.
7. Мегилл А. Историческая эпистемология. Москва: Канон+, 2009. 480 с.
8. Михайлюченко О. С. Концепт «Сердце» в военных рассказах Андрея Платонова // Проблемы исторической поэтики. 2011. № 9. С. 330-341.
9. Найман Э. «Двойник» и «Неодушевленный враг» // На самой черте горизонта: платоновские пространства. Поэтика Андрея Платонова. Сборник 4 / ред. Е. А. Яблоков. Москва: ПОЛИМЕДИА, 2019. С. 150-157.
10. Неретина С. С. Философская антропология Андрея Платонова / С. С. Неретина, С. А. Никольский, В. Н. Порус. Москва: ИФ РАН, 2019. 240 с.
11. Николаи Ф. В. «Третья волна» *memory studies*: культурная память между опытом и репрезентацией // Диалог со временем. 2018. № 63. С. 369-374.
12. Никольский С. А. Российская философия истории и литература // Вопросы философии. 2018. № 10. С. 116-127.
13. Нонака С. Многомерность мотива рытья земли у А. Платонова («Осьмушка и другие поздние рассказы») // На самой черте горизонта: платоновские пространства. Поэтика Андрея Платонова. Сборник 4 / ред. Е. А. Яблоков. Москва: ПОЛИМЕДИА, 2019. С. 84-94.
14. Переходцева О. В. Концепции памяти в современном западном литературоведении // Вестник

Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 1 (17). С. 157-164.

15. Платонов А. Записные книжки. Материалы к биографии / публ. М. А. Платоновой; составление, подготовка текста, предисл., примечания Н. В. Корниенко. Москва: Наследие, 2000. 424 с.

16. Спиридонова И. А. Взыскание погибших в творчестве А. Платонова // Проблемы исторической поэтики. 2018. Том 16. № 2. С. 194-213.

17. Спиридонова И. А. Икона в военных рассказах А. Платонова // Проблемы исторической поэтики. 2012. № 10. С. 343-350.

18. Спиридонова И. А. Мотивы ярости и зверя в рассказе А. Платонова «Одухотворенные люди» // Проблемы исторической поэтики. 2019. Том 17. № 4. С. 301-325.

19. Спиридонова И. А. «Русский солдат для меня святыня...» (подтекст в военной прозе А. Платонова) // Филологический класс. 2010. № 23. С. 13-17.

20. Султанов К. К. «Человек вспоминающий» в литературе: историческая память как регулятив национальной идентичности // Событие в истории, памяти и нарративах идентичности / под ред. Л. П. Репиной. Москва: Аквилон, 2017. С. 49-95.

21. Фатющенко В. И. Идея жизни в русской литературе эпохи Великой Отечественной войны (А. Лосев, А. Платонов) // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 3. С. 7-37.

22. Эткинд А. Кривое горе: Память о непогребенных. Москва: Новое литературное обозрение, 2016. 328 с.

23. Яблоков Е. «Детская родина» в пространстве и во времени // На самой черте горизонта: платоновские пространства. Поэтика Андрея Платонова. Сборник 4 / ред. Е. А. Яблоков. Москва: ПОЛИМЕДИА, 2019. С. 158-173.

24. Connerton P. Seven types of forgetting // Memory Studies. 2008. Vol. 1, Issue 1. P. 59-71.

25. Hirsch M. The Generation of Postmemory. URL: https://urokiistorii.ru/sites/all/files/hirsch_generation_of_postmemory.pdf (Дата обращения: 21.05.2020).

26. Holt K. Collective Authorship and Platonov's Socialist Realism // Russian Literature. 2013. Vol. 73. P. 57-84.

27. Lachmann R. Cultural Memory and the Role of Literature. URL: http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory_Lachmann.html (Дата обращения: 15.05.2020).

28. Merridale C. Night of Stone: Death and Memory in Modern Russia. London: Granta Books, 2000. 506 p.

29. Winter J. War Beyond Words: Languages of Remembrance from the Great War to the Present. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 234 p.

Reference list

1. Alejnikov O. Ju. Proshloe i budushhee russkogo naroda v rasskazah A. Platonova o Velikoj Otechestvennoj

vojne = The past and future of the Russian people in the stories of A. Platonov about the Great Patriotic War // Vestnik RUDN. Serija Literaturovedenie. Zhurnalistika. 2015. № 3. S. 54-61.

2. Alejnikov O. Ju. Voennaja proza Andreja Platonova (iz nabljudenij nad receptivnymi intencijami) = Military prose by Andrei Platonov (from observations on receptive intentions) // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija. Zhurnalistika. 2018. № 2. S. 5-9.

3. Assman A. Dlinnaja ten' proshlogo: Memorial'naja kul'tura i istoricheskaja politika = Long shadow of the Past: memorial culture and historical politics. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. 328 s.

4. Assman A. Zabvenie istorii – oderzhimost' istoriej = Oblivion of history is an obsession with history. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. 268 s.

5. Kukulin I. Regulirovanie boli (predvaritel'nye zametki o transformacii travmaticheskogo opyta Velikoj Otechestvennoj = Pain management (preliminary notes on the transformation of traumatic experience of the Great Patriotic War / Vtoroj mirovoj vojny v russkoj literature 1940-1970-h gg.) // Pamjat' o vojne 60 let spustja: Rossiya, Germanija, Evropa / pod red. M. Gabovicha. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005. S. 617-658.

6. Leont'eva O. B. «Memorial'nyj povorot» i «istorija pamjati» v Rossii = «Memorial Turn» and «History of Memory» in Russia / O. B. Leont'eva, L. P. Repina // Istoriki v poiskah novyh perspektiv: kollektivnaja monografija / pod obshhej redakciej Z. A. Chekancevoj. Moskva: Akvilon, 2019. S. 274-317.

7. Megill A. Istoricheskaja jepistemologija = Historical epistemology. Moskva: Kanon+, 2009. 480 s.

8. Mihajljuchenko O. S. Koncept «Serdce» v voennyh rasskazah Andreja Platonova = The concept of «Heart» in the military stories of Andrei Platonov // Problemy istoricheskoy pojetiki. 2011. № 9. S. 330-341.

9. Najman Je. «Dvojniki» i «Neodushevlenyj vrag» = «Double» and «Inanimate Enemy» // Na samoj cherte horizonta: platonovskie prostranstva. Pojetika Andreja Platonova. Sbornik 4 / red. E. A. Jablokov. Moskva: POLIMEDIA, 2019. S. 150-157.

10. Neretina S. S. Filosofskaja antropologija Andreja Platonova = Philosophical anthropology of Andrei Platonov / S. S. Neretina, S. A. Nikol'skij, V. N. Porus. Moskva: IF RAN, 2019. 240 s.

11. Nikolai F. V. «Tret'ja volna» memory studies: kul'turnaja pamjat' mezhdru opytom i reprezentaciej = Third wave «memory studies: cultural memory between experience and representation // Dialog so vremenem. 2018. № 63. S. 369-374.

12. Nikol'skij S. A. Rossijskaja filosofija istorii i literatura = Russian philosophy of history and literature // Voprosy filosofii. 2018. № 10. S. 116-127.

13. Nonaka S. Mnogomernost' motiva ryt'ja zemli u A. Platonova («Os'mushka i drugie pozdnie rasskazy») = The multidimensional motif of digging land at A. Platonov («Osmushka and other late stories») // Na

samoj cherte gorizonta: platonovskie prostranstva. Pojetika Andreja Platonova. Sbornik 4 / red. E. A. Jablov. Moskva : POLIMEDIA, 2019. S. 84-94.

14. Perehodceva O. V. Konceptii pamjati v sovremennom zapadnom literaturovedenii = Concepts of memory in modern Western literary criticism // Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija. 2012. Vyp. 1 (17). S. 157-164.

15. Platonov A. Zapisnye knizhki. Materialy k biografii = Notebooks. Biography materials / publ. M. A. Platonovoj ; sostavlenie, podgotovka teksta, predisl., primechanija N. V. Kornienko. Moskva : Nasledie, 2000. 424 s.

16. Spiridonova I. A. Vzyskanie pogibshih v tvorchestve A. Platonova = Recovery of those killed in the work of A. Platonov // Problemy istoricheskoy pojetiki. 2018. Tom 16. № 2. S. 194-213.

17. Spiridonova I. A. Ikona v voennyh rasskazah A. Platonova = Icon in the military stories of A. Platonov // Problemy istoricheskoy pojetiki. 2012. № 10. S. 343-350.

18. Spiridonova I. A. Motivy jarosti i zverja v rasskaze A. Platonova «Oduhotvorennye ljudi» = Motives of rage and beast in the story of A. Platonov «Spiritualized people» // Problemy istoricheskoy pojetiki. 2019. Tom 17. № 4. S. 301-325.

19. Spiridonova I. A. «Russkij soldat dlja menja svjatynja...» (podtekst v voennoj proze A. Platonova) = «A Russian soldier for me is a relic...» (subtext in military prose by A. Platonov) // Filologicheskij klass. 2010. № 23. S. 13-17.

20. Sultanov K. K. «Chelovek vspominajushhij» v literature: istoricheskaja pamjat' kak reguljativ nacional'noj identichnosti» = The Man Remembering» in literature: historical memory as a regulator of national identi-

ty // Sobytie v istorii, pamjati i narrativah identichnosti / pod red. L. P. Repinoj. Moskva : Akvilon, 2017. S. 49-95.

21. Fatjushhenko V. I. Ideja zhizni v russkoj literature jepohi Velikoj Otechestvennoj vojny (A. Losev, A. Platonov) = The idea of life in Russian literature of the Great Patriotic War era (A. Losev, A. Platonov) // Vestnik MGU. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2005. № 3. S. 7-37.

22. Jetkind A. Krivoe gore: Pamjat' o nepogrebenyh = Crooked grief: Memory of the Infallible. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 328 s.

23. Jablov E. «Detskaja rodina» v prostranstve i vo vremeni» = Childhood homeland» in space and in time // Na samoj cherte gorizonta: platonovskie prostranstva. Pojetika Andreja Platonova. Sbornik 4 / red. E. A. Jablov. Moskva : POLIMEDIA, 2019. S. 158-173.

24. Connerton P. Seven types of forgetting // Memory Studies. 2008. Vol. 1, Issue 1. R. 59-71.

25. Hirsh M. The Generation of Postmemory. URL: https://urokiistorii.ru/sites/all/files/hirsch_generation_of_postmemory.pdf (Data obrashhenija: 21.05.2020).

26. Holt K. Collective Authorship and Platonov's Socialist Realism // Russian Literature. 2013. Vol. 73. R. 57-84.

27. Lachmann R. Cultural Memory and the Role of Literature. URL: http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory_Lachmann.html (Data obrashhenija: 15.05.2020).

28. Merridale C. Night of Stone: Death and Memory in Modern Russia. London: Granta Books, 2000. 506 p.

29. Winter J. War Beyond Words: Languages of Remembrance from the Great War to the Present. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 234 p.